

Для книги о Храме

Семья Кондратьевых

В 1970 году семья Кондратьевых переехала в новый дом, который оказался в близости с Храмом Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе. Моим престарелым родителям (им было за семьдесят) и жене, которая была инвалидом по болезни сердца, было удобнее сделать этот Храм своим духовным домом, вместо церкви Ильи пророка, что в Обыденном переулке, прихожанами которого они были с довоенного времени.

Мой отец Виктор Алексеевич был врачом-терапевтом, врач он был хороший, но известность к нему пришла в связи с тем, что он был редким для советского время bibliофилом и религиоведом, собиравшим в своем доме многих диссидентствующих интеллектуалов, среди частых пользователей его библиотекой был видный диссидент о. Дмитрий Дудко, протоиерей, профессор МДА Александр Ветелев, протодьякон Николай Попович.

Виктор Алексеевич (1899 – 1979) родом был из типичной для дореволюционного социума новой «элиты»: его отец, будучи крепостным крестьянином, откупился от помещика, а потом стал крупным фабрикантом. Духовная среда в его семье не была атеистической, но мамона была в приоритете. Так, его дочь (тетка моего отца) Варенцова О.А. в юности пела в церковном хоре, но потом стала профессиональной революционеркой и даже видным руководителем партии большевиков. У моего отца духовное становление имело обратный тренд: из в целом равнодушного к религии юноши он с годами становился всё более религиозным. Этому способствовали те ситуации постреволюционных трагедий, свидетелем которых он оказался, начав работать врачом: переполненные бараки голодных больных, изгнанных из своих домов как «чуждые делу революции элементы», беспрецедентная по своей распространенности среди этих «бывших» эпидемия сыпного и брюшного тифа и их полное социальное бесправие создавали ситуации, в которых естественными были бы депрессии и суициды. И они действительно были, однако на их фоне ярко выделялись те, кто не снимал крестик с груди, хотя это было опасно в смысле утяжеления репрессий. Общение с такими больными, беседы о Боге показали отцу тот прекрасный мир, в котором царствует Дух, а интересы мамоны задвинуты на задний план.

Возникший интерес к религии в те первые послереволюционные годы мог быть достаточно удовлетворен той литературой, которая в избытке оказалась на книжных развалах, особенно больших вокруг памятника Первопечатнику Ивану Федорову. Отец тратил всё, до последней копейки, чтобы приобрести то, что требовала его ненасытная духовность, и ходил полуголодным, создавая свою уникальную библиотеку. В последующие десятилетия он окормлял этой литературой своих друзей, а перед смертью делал рефераты для своих сыновей. В дальнейшем уникальную библиотеку отца я передал Московскому Подворью

Сергиево-Троицкой лавры и был рад, когда узнал, что ряд книг были переизданы по этим первоисточникам – это лучшая память моему отцу.

Валентина Алексеевна (1900 – 1986), моя мать, была искренней христианкой, но не столько по рассудку, сколько по сердцу. Её отец был князем, однако он рано умер, оставив семье огромные долги, и мама в 14 лет была вынуждена пойти работать, поскольку оказалась старшей в большой семье. Но это её не сломило, Господь дал ей незаурядную энергетику, и она не только сумела вырастить младших сородичей, но и сама получила образование, став эпидемиологом. Забота о нуждающихся в помощи, христианская любовь к ближнему была генеральной линией её жизни. Особенно это проявилось в годы войны, и она была награждена медалью «За оборону Москвы». Одним из примеров её реального, а не показного служению ближнему во имя Господа нашего может быть организация помощи семье арестованного в 1980 году священника-диссидента Глеба Якунина. Она не знала ни о. Глеба, ни его семью, но узнав от о. Дмитрия Дудко об аресте, и тут же организовала сбор средств для помощи семье арестованного и сама сделала немалый вклад, хотя мы жили далеко не богато.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы был для Кондратьевой Валентины Алексеевны подлинным духовным домом, она не пропускала (сколько позволяло здоровье) ни одной литургии, ни одной всенощной, ни одного церковного праздника. Молитва в Храме дополнялась молитвой, чтением акафистов дома перед иконостасом, который установил отец. Она умерла дома, в своей постели в момент, когда, осенив себя крестным знаменем, на её лице изобразилось блаженство от Покрова Пресвятой Богородицы.

Нина Авксентиевна (1934 – 2008), моя жена (венчаны в 1953 году) была врачом-терапевтом, работала заведующей амбулаторией при Московском Почтамте. Она из типичной предвоенной семьи, так сказать, «пассивных атеистов»: к её рождению в их городе все церкви уже были закрыты большевиками, в её доме хотя и висела икона, но никакой духовности не было, о Боге не вспоминали, и окрестить младшую дочку «просто не успели». До знакомства с моей семьей она ничего не слышала о духовной жизни. Жену крестила моя мама перед самым нашим венчанием.

Не имея какого-либо представления о религиозном учении, о церковной жизни, о Боге, она всё же сердцем чувствовала Господа, и поэтому достаточно легко вписалась в православную среду. В нашем Храме Покрова мы всегда молились на одном месте – за левом клиросом, это было постоянным местом еще нескольких прихожан: мы их всех знали в лицо, а они нас, мы здоровались при встрече, но никакого, как казалось мне, большего знакомства не имели. Только после смерти жены некоторые из этих прихожан, рассказывали мне, что моя Нина навещала их как врач, когда они болели, привозила продукты, лекарства. Она мне ничего сама об этом не говорила, усвоив заповедь Иисуса Христа о том, что правая рука не должна давать знать левой о своих добрых делах. Так или иначе, в Храме знали, что среди прихожан есть добрый, безотказный врач, которая сама,

будучи инвалидом I группы (после двух операций по протезированию сердца), всегда, несмотря ни на что, готова прийти на помощь.

Федор Викторович (17.02.33. – автор данного текста). Нельзя быть религиозным человеком, не обратившись к своему религиозному чувству – оно есть у всех, но не все могут или не все хотят оживить его. Религиозное чувство – это чувство со-бытия с Богом, оно может прийти незаметно, а может быть как чудесное озарение. Именно так было у меня, когда мне было лет 6. В автобиографической книге «Мальчишка-москвич в годы войны. Уроки жизни» (2016) я описал, как в один прекрасный день, слушая богослужение, я, шестилетний, стоял у открытого окна и любовался на стрижей-ласточек, стремительно летающих в ярко-голубом небе. И вот, когда хор запел Херувимскую молитву, я вдруг почувствовал то, что иным словом как «благодать» ни тогда, ни в последующие годы жизни описать оказалось невозможным. Спустя десятилетия, занимаясь как профессионал проблемами душевной и духовной жизни, я встречал такие обозначения этого переживания как «религиозное чувство», «чувство со-бытия с Богом».

Религиозное чувство – это действительно божественное чувство. Но это чувство требует своего понимания, объяснения, и человек, естественно, ищет его. История такого поиска прослеживается на протяжении тысячелетий, начиная с самых первых времен. Я тоже искал и у меня для этого были благоприятные условия, моё воцерковление началось с детства, за что глубочайшее благодарение родителям. Они дали мне возможность от чистого сердца, обращаясь с Господом, утверждать: «Учение Твое есть Красота Мудрости и Мудрость Красоты, в нем есть всё, что может быть необходимо для каждого помысла и для каждого поступка на жизненном пути каждого человека. Господи, я уверовал в истинность Учения Твоего по чувству своего постоянного со-бытия с Тобой». Это мое признание неоднократно публиковалось, и я рад, что оно нашло отклик у православных христиан.

Мне за 85 лет и я благодарен Господу за ту жизнь, которую по Своей воле Он мне даровал. Я ежедневно повторяю: «Да будет воля Твоя» и прошу только о том, что бы Он не оставил меня милостью Своей, а милость эту я всегда чувствовал на протяжении всех десятилетий интересной, духовно богатой и благополучной по прохождению сквозь тернии реальных проблем жизни – и всё это без каких-либо ухищрений с моей стороны.

В годы большевизма я, не имея партбилета – чем и горжусь – стал доктором наук, профессором, судебно-психиатрическим экспертом высшей квалификационной категории, руководителем экспертного отделения Института судебной психиатрии им. Сербского, Председателем центральной комиссии МЗ СССР по прекращению принудительного лечения в специальных психиатрических больницах, Заслуженным врачом России, объездил весь мир, включая США и Японию. Без наставления Господа этого просто не могло быть.

Я рад, что не без Промысла Божьего мне по поручению Правительства было дано по линии Минздрава проводить разоблачения заполонивших в 90-тые годы Россию зарубежных и доморощенных сект. Десятки моих выступлений по телевидению, радио, в печати, на научных и церковных форумах (в том числе на Международных Рождественских образовательных чтениях), в Госдуме РФ, а также экспертные заключения по деятельности сект (особенно сатанистских) были высоко оценены РПЦ, наградившей меня орденами Русской Православной Церкви преподобного Сергия Радонежского III степени и Святого благоверного князя Даниила Московского III ст., а также орденом «За труды».

Являясь членом Церковно-общественный совет по биомедицинской этике при Московской Патриархии, я мог служить Господу, показывая, что между наукой и религией нет противоречия, что психологические возможности человека просто ниже духовного осознания полноты бытия Бога, основанного на чувстве существования и абсолютного превосходства Божественного в реальном мире.

Я всегда болел за честь и достоинство своего Отечества и благодарен Господу за то, что Он сподобил меня публично разоблачить его врагов, клеветнически утверждавших якобы существовавшие политические злоупотребления психиатрией. На реальных фактах я доказал и публично показал, что такая клевета всего лишь один из инструментариев русофобской войны.

Меня уже не волнует, в каком году я умру, и я не прошу долголетия, а молю Господа простить мои вольные и невольные прегрешения и благословить мое отпевание в Храме Покрова Пресвятой Богородицы.